

ИННА ВРОНСКАЯ
ВЛАДА КАС

ИЗМЕНА
СЛУЧАЙНЫЙ СЫН
для генерала

Инна Вронская

**Измена. Случайный
сын для Генерала**

«Автор»

2026

Вронская И.

Измена. Случайный сын для Генерала / И. Вронская — «Автор», 2026

Машина срывается со двора в ночь. Муж молчит, сжимая руль до побелевших костяшек — и я знаю почему. Несколько минут назад я увидела, как он предаёт меня с родной сестрой. А ещё раньше — свыклась с мыслью, что после аварии, изуродовавшей моё лицо, я стала для него обузой, которую стыдно показывать людям. Он давно решил: наш будущий ребёнок достанется не мне, а ей — чтобы сестра выглядела спасительницей, забравшей дитя у «сумасшедшей уродины». Пустынная трасса, холодный лес, ледяной ветер — вот куда он меня привозит. Дверь машины захлопывается, рёв мотора тает в темноте, и я остаюсь одна, босиком, посреди дороги, без денег и надежды на помощь. И тут внизу живота вспыхивает резкая, схваткообразная боль. Ноги подкашиваются, я падаю на асфальт, сдирая колени в кровь. По бедру стекает алая струйка — я на грани того, чтобы потерять и ребёнка, и саму жизнь. Кто спасёт меня в эту минуту полного одиночества — чудо или человек, о котором я и не смела думать — Генерал?

© Вронская И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Инна Вронская

Измена. Случайный сын для Генерала

Глава 1

Стук в дверь разрывает утреннюю тишину на куски.

Я вздрагиваю, чашка с кофе замирает на полпути к губам. Глеб уехал на совещание ещё в шесть, дом затих, и вдруг этот звук. Резкий. Требовательный.

— Иду, — говорю я, хотя в доме никого, кроме меня, нет. Но я всегда говорю с собой. С детства. С того самого дня, когда поняла, что сестре на меня наплевать.

Открываю дверь. И сердце падает куда-то в район солнечного сплетения.

Вика.

Моя старшая сестра. Десять лет мы не виделись. Десять лет я жила в тишине, без её криков, без её скандалов, без её вечного «всё всегда младшенькой». И вот она стоит на пороге — в коротких джинсах, растянутом свитере, с огромным чемоданом на колёсиках.

— Привет, сестра! — она вваливается в прихожую, не спрашивая разрешения, даже не глядя на меня. — Знаю, не ждала. Но я не надолго, приехала своё забрать и сразу обратно в Милан!

Я молчу. Стою у двери, сжимаю ручку так, что костяшки белеют.

Вика проходит в гостиную, крутит головой, осматривает каждую деталь. Белый рояль у окна, хрустальные подсвечники на каминной полке, французские шторы, которые мы с Глебом выбрали три месяца. Она присвистывает — резко, громко.

— А хорошо ты устроилась, сестренка! — в её голосе — яд. И зависть, которую невозможно спрятать. — Не то что я, по Европам моталась бестолку! Ни одного нормального мужика не нашла, а оказывается они в Москве!

Я не отвечаю.

Наши отношения кончились после смерти матери. Вике было шестнадцать. Она сделала аборт и доверилась не мне, не подруге, а маме. А мама узнала — и сердце не выдержало. Инфаркт. Мгновенно мамы не стало. Я не винила Вику тогда. Я винила себя. Думала, что не доглядела, не уберегла, не остановила.

А потом умер отец. И ровно через полгода день в день Вика приехала на оглашение завещания, как будто ждала этого момента с календарём в руках.

Делить было что. Родительская квартира в центре. Счета от бизнеса отца. Дача в Подмосковье, где мы бегали босиком по росе.

Я молча отдала ей конверт с адресом и временем встречи у нотариуса. Не сказала ни слова. Не обняла на прощание.

— Что, даже чаю не предложишь сестре? — она улыбается, но улыбка не доходит до глаз. В них — ледяная пустота.

— Мы уже давно не сёстры, — отвечаю я, и голос мой ровный, как струна. — После того что ты сделала, для тебя нет даже чая в моём доме. Наша встреча у нотариуса будет последней.

Вика не моргает. Она проходит к роялю, проводит рукой по белоснежной крышке. Проводит медленно, как будто гладит живое существо.

— Игра на пианино, художественная школа, модельная школа, — перечисляет она, и каждое слово звучит как плевок. — Все деньги родителей были всегда на младшенькую. А старшенькая дочь — так, позор семьи. Надеюсь, хоть после смерти мне достанется хоть что-то.

Её рука останавливается на свадебной фотографии. Я смотрю на себя — счастливую, в белом платье, с Глебом, который обнимает меня за талию. Три года назад. Три года счастья, которое теперь кажется хрупким, как стекло.

— Муж у тебя красивый, — говорит она с завистью. — Чиновник, говорят?

Я уже стою в коридоре. Дверь открыта.

— Да, у Глеба скоро выборы, — отвечаю я сухо. — У меня много дел, Вика. Увидимся завтра у нотариуса.

Вика смотрит на меня. Долго. Тяжело. Потом с яростью, холодной и расчётливой, опрокидывает свадебную рамку. Стекло разбивается вдребезги, осколки сыплются на паркет, а она даже не моргает.

— Как хочешь, сестрёнка, — бросает она и выходит из квартиры.

Я закрываю дверь, прислоняюсь к ней лбом.

— Что же ты делаешь, — шепчу я. — Что же ты делаешь с нами.

Ответа нет. Только звон разбитого стекла и дождь за окном.

Нотариус находится в старом особняке на Покровке.

Я приезжаю с Глебом — он настоял. Говорит, что я слишком мягкая, что сестра может использовать это против меня. Я не спорю. Глеб всегда знает, что лучше.

— Ты бледная, — замечает он, подавая мне руку из машины. — Волнуешься?

— Нет, — вру я.

— Дрожишь вся.

— Мерзну.

Он вздыхает, снимает пиджак, накидывает мне на плечи.

Внутри пахнет старым деревом и сургучом. Вика уже сидит — на стуле у окна, скрестив руки на груди, с видом королевы на кастинге. Даже не смотрит на меня.

Нотариус — пожилая женщина с добрыми глазами и железным голосом. Поправляет очки, открывает папку, перелистывает страницы.

— Завещание Соколова Алексея Петровича и Соколовой Галины Дмитриевны, — читает она ровно, монотонно. — Утверждено восемнадцатого марта две тысячи двадцать третьего года.

Я сжимаю пальцы так, что ногти впиваются в ладонь. Глеб кладёт руку мне на плечо.

— Всё движимое и недвижимое имущество, включая квартиру в городе Москве, дачное хозяйство в Подмоскowie, а также денежные средства на счетах, — нотариус делает паузу, переворачивает страницу, — завещается дочери Соколовой Ангелине Алексеевне.

Тишина.

Я не дышу.

Вика встаёт — резко, стул отлетает назад и ударяется о стену.

— А мне?! — голос её звенит, как натянутая струна. — Мне что?!

Нотариус поправляет очки, шуршит бумагами.

— Виктории Алексеевне завещается дача в Подмоскowie — дом сто тридцать пять по улице Цветочной, шесть соток земли.

— Дачку?! — крик Вики режет уши. — Старую, гнилую дачку, где крыша течёт? Где окна заколочены?!

— Если вы хотите обжаловать завещание, — нотариус остаётся спокойной, — у вас есть шесть месяцев.

— Я буду обжаловать! — Вика бьёт кулаком по столу. Прямо перед нотариусом. — Я привлеку журналистов! Я всей Москве расскажу про этот обман!

Я смотрю на неё. На её перекошенное лицо, на трясущиеся руки, на слёзы, которые она не вытирает. Слёзы злости. Слёзы обиды.

— Вика, — говорю я тихо. — Я не хотела. Я ничего не знала.

— Заткнись! — кричит она. — Тебе всегда всё доставалось! Всегда, с пелёнок! И мама, и папа, и деньги, и эта квартира, и муж вон какой! А мне что? Мне никогда ничего!

Глеб поднимается. Медленно. Поправляет галстук.

— Виктория, — голос его холоден, как лёд. — Спокойнее.

— Какой спокойнее? — она давится словами. — Мне негде жить, понял? Пока я сужусь, пока эти тянутся... кому нужна старая дача? А у неё — всё.

Глеб берёт меня за руку.

— Ангелина, любимая моя, — говорит он, глядя мне в глаза. — Нам сейчас не нужны упоминания нашей фамилии в жёлтых газетёнках. Ты понимаешь? Меньше чем через три месяца выборы. Один скандал — и всё, конец.

— Но она же моя сестра, — шепчу я. — Как я могу...

— Можешь, — перебивает он. — Ты же добрая. Ты же у нас сама душевность. Договорись с ней.

Я смотрю на Вику. На её дрожащие губы, на сжатые кулаки. Она ненавидит меня. Всегда ненавидела.

— Вика, — говорю я. — Я предлагаю сделку.

Она молчит. Ждёт.

— Я перепишу на тебя половину родительской квартиры. А пока... пока ты можешь жить у нас. В гостевом доме.

Вика кривит губы.

— В гостевом доме? Как приживалка?

— Как сестра, — поправляю я. — Как семья.

Она усмехается. Горько. Зло.

— Семья, — повторяет она. — Ты забыла, что это такое, Ангелина. Ты забыла, что значит быть сестрой. А я — нет.

Она встаёт, берёт чемодан.

— Я согласна. Но помни — ты сама предложила. Чтобы потом без обид!

Она выходит, не прощаясь.

Глеб обнимает меня.

— Всё правильно, — говорит он в мои волосы. — Так будет лучше для всех.

Я закрываю глаза. Чувствую, как что-то внутри сжимается в холодный, тугой комок.

За окном снова дождь. Холодный. Бесконечный.

И я знаю — это только начало. Вика еще возьмет свое. Не в ее правилах проигрывать.

Утро.

Я просыпаюсь от запаха кофе и голоса Глеба, который разговаривает по телефону в гостиной. Его голос — тихий, деловой, ровный — звучит как белый шум, как фон, на котором я научилась жить. Он всегда такой. Сосредоточенный. Занятый.

Я смотрю на пустую половину кровати — он встал рано, как обычно. И мысль, привычная до зубного скрежета, сверлит голову: когда он в последний раз обнимал меня не перед сном, а просто так? Когда смотрел в глаза не поверх телефона?

Я встаю, иду в ванную, смотрю на себя в зеркало.

— Сегодня скажешь ему, — произношу я вслух. — Сегодня напомним.

Но голос звучит неуверенно, и я отворачиваюсь от своего отражения.

На кухне Глеб уже сидит за столом — свежая рубашка, причёсан, выбрит. Перед ним остывший кофе и ноутбук. Он даже не заметил, что я вошла.

— Доброе утро, — говорю я и целую его в щёку.

Он отрывает взгляд от экрана, улыбается уголками губ.

— Доброе, мой ангел.

— Ты сегодня забыл меня поцеловать, — тихо замечаю я.

— Прости, дела. — Он тянется ко мне, целует в лоб, быстро, небрежно. И возвращается к экрану.

Я сажусь напротив, наливаю себе кофе.

— Глеб, — начинаю я осторожно. — Я хотела поговорить.

— О чём? — он даже не поднимает глаз.

— О нас. О том, что уже год, как мы женаты. И о том, что беременность...

Он поднимает голову. Смотрит на меня — не раздражённо, но с лёгкой усталостью, которая больше раздражения.

— Ангел, только не сейчас. У меня сегодня встреча с инвесторами, потом штаб, потом...

— Я знаю, — перебиваю я. — Но после выборов, может, сходим к врачу? Вместе?

Глеб вздыхает, закрывает ноутбук.

— Хорошо, мой ангел. После выборов. Обещаю.

Я знаю, что это «обещаю» ничего не значит. Он уже говорил так. Весной. Потом летом. Потом в августе. Но я киваю и улыбаюсь, потому что что ещё мне остаётся?

— Ничего, родит вам Глеб Игоревич наша Ангелина ещё целую футбольную команду! — голос Вики врывается в разговор, как нож в масло. — Наши бабки плодовые были, поголовно.

Я поднимаю глаза — и у меня перехватывает дыхание.

Вика стоит в дверях кухни. В коротком пеньюаре. Шёлковом, тонком, почти прозрачном. Волосы распущены, макияжа нет, но это не имеет значения. Она красивая. Всегда была красивой. Только сейчас, в этом полусвете утра, в этом кружевном белье, которое просвечивает сквозь ткань, она не просто красивая — она опасная.

Я смотрю на Глеба. Краем глаза. Боюсь повернуть голову.

Его взгляд скользит по её ногам. Один миг. Два. Не больше. Но я это вижу.

— Вика, — говорю я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Ты бы не могла... переодеться. Что за шоу ты тут устроила?

— А что такое? — она пожимает плечами, и пеньюар сползает с одного плеча. — Свои же люди. Я не в ресторан вышла.

Глеб встаёт. Закрывает ноутбук. Поправляет галстук.

— У меня совещание, — говорит он, не глядя на Вику. И, кажется, не глядя на меня тоже. — Буду поздно.

Он подходит, целует меня в лоб.

— Будь осторожна, мой ангел. Сейчас такое нервное время.

— С кем? — усмехается Вика. — Со мной?

Глеб не отвечает. Уходит. Дверь за ним закрывается мягко, без хлопка.

Я сижу, сжимая чашку с остывшим кофе. Пальцы дрожат.

— Вика, — говорю я, и голос мой уже не такой ровный. — Я позволила тебе жить у нас пока идут разбирательства по завещанию. Будь благодарна. Следуй правилам дома.

Она смотрит на меня. Сверху вниз, хотя мы одного роста. Но кажется, что она выше. Всегда казалась.

— Ангелиночка, — она улыбается, и в улыбке — снисхождение. — Твой муж меня совсем не интересует, если ты об этом. Честно. Не мой тип. Слишком правильный. Слишком... деловой.

— Тогда будь добра, одевайся у себя в комнате.

— Хорошо, — она кивает. Не спорит. Не огрызается. — Ты права, сестрёнка. Я как-то не подумала. В конце концов, это ты у нас жемчужина этого дома, а не я. — Она уходит, не спеша, покачивая бёдрами.

Я остаюсь одна. Смотрю в свою чашку. Кофе кончился, а внутри — холод.

— Не подумала, — шепчу я. — Как же.

Я сижу в кресле, белая простыня на коленях, руки сцеплены в замок. Врач — женщина лет пятидесяти, с добрыми глазами и седыми прядями в волосах — смотрит на мои анализы. Долго. Внимательно.

— Я не вижу никаких отклонений, Ангелина Алексеевна, — говорит она наконец. — Цикл ровный, овуляция есть, прогестерон в норме. Нет никаких физических причин, чтобы беременность не наступила.

Я сглатываю. Комок подступает к горлу, но я проглатываю и его.

— Тогда получается, всё дело в голове? — спрашиваю я, и голос предательски дрожит.

— Возможно, — врач поправляет очки. — Вы много нервничаете? Стрессы?

— У мужа выборы, — говорю я. — Это всегда стресс.

— Это пройдёт. А как ваш муж настроен на планирование беременности?

Я молчу. Вспоминаю наши ночи. Редкие. Спешные. Когда он приходит уставший, когда целует меня и уже засыпает. Когда «потом, солнышко, потом».

— Замечательно, — выдавливаю я улыбку. — Он очень хочет детей.

Врач смотрит на меня. Я чувствую — не верит. Но не спорит.

— Тогда у вас всё получится, — говорит она. — Меньше стресса и больше любви.

Я выхожу из кабинета. В коридоре меня ждёт водитель — Глеб настоял, чтобы у меня был личный водитель.

— Домой? — спрашивает он, открывая дверь.

— Нет, — говорю я. — Отвезите в центр. Я хочу прогуляться. Скажите Глебу, что я в ресторане с подругами задержалась.

— Хорошо, — он не спорит. Он всегда не спорит.

Я выхожу из машины на Патриарших. Осень. Воздух холодный, пахнет прелыми листьями и уходящим теплом.

Я иду по знакомым улицам. В наушниках — Шопен. Ноктюрн до-диез минор. Любимый мамин. В детстве она ставила эту пластинку вечерами, и мы с Викой засыпали под эту музыку. Тогда мы были сёстрами. Настоящими.

Я сворачиваю во дворы. Вот окна нашей квартиры — четвёртый этаж, сталинка, с лепниной на фасаде. Там сейчас чужие люди. Чужой свет. Чужая жизнь.

Родителей нет. Вика чужая. Глеб далёкий.

Слёзы текут по щекам, и я не вытираю их. Пусть. Здесь никто не видит.

Я стою, смотрю на окна, вижу себя маленькую — бегущую по этому же двору с Викой наперегонки, кричащую «догоняй!». И слышу в ответ её смех — весёлый, звонкий, настоящий.

Где ты, Вика? Где та девочка, которая прятала меня от маминого ремня? Где та сестра, которая говорила: «Не бойся, я с тобой»?

Часы на руке вибрируют.

Глеб. Наверное, беспокоится. Наверное, вспомнил, что я есть.

Я смотрю на экран: «Ангел, не задерживайся. Сегодня приезжают из министерства».

Я убираю телефон в карман. Заворачиваю в арку между домами — сократить путь до Большой Никитской.

И в этот момент я чувствую, как в лицо ударяет вода. Ледяная. Режущая.

— Что за... — кричу я.

Но крик превращается в вопль.

Не вода. Кислота.

Мир гаснет. Я сползаю по шершавой стене арки, цепляюсь пальцами за выбоины в кирпиче, но пальцы скользят. Лицо горит — нет, не горит, пылает, как будто кто-то приложил раскалённую сковороду к коже и держит, держит, не отпускает.

— Помогите, — шепчу я, но голоса нет. Только тишина.

И шаги. Чьи-то шаги за спиной. Быстрые. Уверенные.

— Помог... — кричу я что есть силы, но вместо голоса лишь немой крик.

И всё.

Темнота...

Глава 3

Год спустя.

Темнота. Тишина. Только дыхание и хриплый шёпот.

Глеб целует меня в плечо — губы сухие, быстрые, без нежности. Руки его шуршат по простыне, находят край шёлкового халата, распахивают. Я не сопротивляюсь. Я давно не сопротивляюсь. Даже когда он проводит ладонью по моему бедру, сжимает кожу — и я чувствую не возбуждение, а только холод.

Он разворачивает меня. От себя. Сначала лицом к лицу — но только на секунду. Я вижу его глаза: закрыты. Он не смотрит. Он никогда не смотрит.

— Повернись, — команда, не просьба. Голос глухой, чужой.

Я послушно переворачиваюсь на живот. Спиной к нему. Спиной, чтобы не видеть меня. Чтобы не видеть эти шрамы.

В темноте.

В тишине.

Ритмичные толчки, как маятник, как казнь. Я закусываю губу, чтобы не закричать. Кровь. Солёная, горькая. Но крик не про боль внизу — про боль в груди, там, где было сердце.

Прошёл год.

Год после того дня в арке. После того, как неизвестный плеснул мне в лицо кислотой. Три месяца я пролежала в ожоговом центре — под капельницами, бинтами, морфином. Три месяца смотрела в потолок и боялась попросить зеркало.

Несколько операций. Кожная пластика. Пересадка тканей. Почти потерянное зрение на левом глазу — врачи сказали, повезло, могло быть хуже. Гораздо хуже.

И теперь моё лицо — оно всё ещё моё. Но наполовину в шрамах. Левая щека стянута рубцами, подбородок в розовых неровных полосах, уголок губы приподнят — останется навсегда. Я не плачу, глядя в зеркало. Я уже выплакала все слёзы в больнице, когда соседка по палате отвернулась от меня, когда медсестры отводили глаза, когда Глеб пришёл первый раз и не поцеловал меня.

Просто сказал: «Выжила — и ладно».

С тех пор он ни разу не занимался со мной любовью лицом к лицу. Ни разу не поцеловал так, как раньше. Только сзади. Только быстро. Только без эмоций. Как с манекеном. Как с вещью, которую стыдно выбросить, но и незачем хранить.

Я чувствую, как он напрягается, как дыхание сбивается. Еще миг и...

Он отстраняется, пряжка ремня звякает в темноте.

— Надо ещё успеть в министерство, — голос ровный, будто ничего не случилось. — Сегодня важный приём. Ждём гостей из Приморского округа.

Я накидываю халат, завязываю пояс. Дрожащими пальцами поправляю лямку сорочки.

— Я могу пойти с тобой? — спрашиваю и сразу понимаю: не надо было спрашивать. Голос мой — неуверенный, просящий. Жалкий.

Глеб вздыхает. Сидит на краю кровати, спиной ко мне. Сейчас он скажет это. Сейчас.

— Не сейчас, милая, — в его голосе уже раздражение. — Ты же знаешь. У тебя ещё две операции впереди, и тогда... тогда ты точно будешь жемчужиной нашей затхлой тусовки. Он встаёт, надевает брюки, застёгивает молнию не глядя. — Сегодня планируешь съездить к врачу? Что по плану?

— Да, — отвечаю я, глядя в окно. За ним — темнота. Ни одной звезды. — Сегодня будет небольшая косметическая операция. Лазером отшлифуем рубцы на подбородке. Возможно, придётся остаться в стационаре до завтра. Вика приедет за мной утром, не беспокойся.

Глеб поворачивается. Смотрит на меня — мельком, быстро. Ему стыдно? Или ему всё равно? Я не знаю. Я перестала понимать его ещё в той больнице.

— Хорошо, — он идёт к двери, берёт портфель. — Передавай привет Вике.

— Глеб, — окликаю я.

Он замирает на пороге.

— Ты меня ещё любишь?

Молчание. Долгое. Тяжёлое.

— Ангел мой, — говорит он, не оборачиваясь. — У меня выборы. Мне не до сантиментов. Будь умницей.

Дверь закрывается. Я слышу, как заводится машина, как урчит мотор. Минута — и тишина.

Я сижу на пустой постели, сжимаю в руке халат.

— Умницей, — шепчу я. — Я всегда была умницей. А толку?

Вика продолжила жить в гостевом доме.

После покушения она стала словно шёлковой. Привозила мне бульон в больницу, читала вслух книги, держала за руку, когда я плакала. Даже ухаживала за швами после операций — такие вещи, на которые не каждый решится.

— Ты только поправляйся, сестрёнка, — говорила она. — Всё будет хорошо.

Я поверила. Глупо? Наверное. Очень хотелось верить, что общая беда нас сблизилась. Что та девочка из детства, которая прятала меня от маминого ремня, вернулась.

Глеб, как ни странно, не был против. Сам предложил: «Пусть живёт, поможет тебе».

Врач в пластической хирургии — седой мужчина с золотыми руками — смотрит мои анализы, качает головой.

— Вы беременны, Ангелина Алексеевна, — говорит он. — Три недели. Поздравляю.

Я сижу, сжимая край кушетки, и не дышу.

— Но как же операция? — шепчу я. — Лазер?

— Операцию придётся отложить, — он разводит руками. — До родов. А лучше до окончания грудного вскармливания.

Я выхожу из кабинета, держусь за стену.

Беременна. Ребёнок. Наш с Глебом ребёнок. Тот, кого я ждала год. Тот, о ком мечтала.

— Теперь он будет счастлив, — говорю я себе. — Теперь всё наладится.

Я лечу домой.

Водитель ведёт машину быстрее обычного — я просила. Сердце колотится, ладони потеют.

Я бегу по дорожке, не чувствуя ног.

Внутри тихо. Странно. Глеб говорил, что будет на приёме в министерстве. Вика должна быть в гостевом доме.

— Глеб? — зову я. — Вика?

Шёпот. Я слышу шёпот.

На кухне.

Я иду туда — медленно, будто что-то внутри уже знает, но мозг отказывается верить.

И замираю в дверях.

Глеб стоит у столешницы. И не один.

Вика сидит на краю стола — ноги обхватили его бёдра. Короткий халат сбит на плечах, грудь открыта. Помада на лице размазана. Волосы растрёпаны.

Глеб целует её. Нежно. Страстно. Так, как меня — никогда.

Я смотрю. Не моргаю. Не дышу.

Вика замечает меня первой.

— Ой, — капризно тянет она. — А мы тебя не ждали, сестрёнка.

Глеб оборачивается. Секунду в его глазах — страх. Потом страх гаснет, остаётся только злость.

— Ангелина, — говорит он, даже не пытаясь отстраниться от Вики. — Ты не вовремя.

— Не вовремя? — мой голос — чужой, словно не мой. — Вы... вы...

— А ты что думала? — смеётся Вика. — Что я тут сижу и цветочки поливаю из жалости к тебе? — она спрыгивает со стола, поправляет халат. — Глеб меня любит. По-настоящему. А ты... ты — инвалид с лицом Франкенштейна. На кой ты ему сдалась?

— Вика! — кричу я. — Ты моя сестра! А ты, Глеб... как ты...

— Была, — она пожимает плечами. — А теперь я та, кто родит ему детей. Ты-то на что способна? Шрамы свои лазером шлифовать? Так это много ума не надо.

Глеб подходит к Вике, обнимает за плечи. Будто меня здесь нет.

— Ты всё равно никому не нужна, Ангелина, — говорит он равнодушно. — С таким лицом только в платке ходить да милостыню просить. Но я тебя не выгоню. Живи в гостевом доме — там и Вика жила. А ребёнка, если родишь, отдашь нам. Она вырастит. У неё получится.

— Я не донор! — кричу я. — Глеб, ты сошел с ума?

— Ты — никто, — Вика улыбается и прижимается к Глебу. — И звать тебя никак.

Я срываю со стены свадебную фотографию — там мы с Глебом, счастливые, целуемся на фоне моря. Я была красивая. Он — влюблённый.

— Я подам на развод, Глеб! — кричу я изо всех сил. — Твою репутацию испортит не моё лицо, а твои отвратительные поступки!

Я швыряю рамку.

Стекло разбивается вдребезги. Осколок летит в Виду — рассекает плечо, выступает алая капля.

— Ты психопатка! — орёт она. — Глеб, сделай что-нибудь! Успокой её!

Он хватает меня за локоть. Сильно, пальцы впиваются в кожу.

— Идём, — холодно говорит он. — Проедемся. Успокоишься.

Я не сопротивляюсь. Волокусь за ним по коридору, босиком по паркету, в одном платье. Он толкает меня в машину, за руль садится сам.

— Глеб, куда мы? — шепчу я.

Молчит.

Машина вылетает со двора, несётся по шоссе. Глеб сжимает руль так, что костяшки белеют.

В зеркале заднего вида я вижу своё лицо. Шрамы. Рубцы. Уродство. Слёзы текут, но я не вытираю.

— Как же ты мне надоела, — цедит Глеб. — Ты мне всю жизнь сломала. У других жёны — как жёны: тихие, красивые. На приёмах блистают. А ты — уродина! С тобой даже в люди выйти стыдно. Народ будет плевать в тарелки!

— Останови, — прошу я. — Пожалуйста.

— Всю жизнь будешь жить в тени, поняла? — не слышит он. — Ребёнка родишь — Вике отдашь. Будет она народной спасительницей. Растить ребёнка сестры, которая сошла с ума на почве потери своего лица — благое дело.

— Да пошел ты..., — плачу я. — Предатель, сукин ты сын, Глеб! Развод, завтра же... Развод!

Машина тормозит. Пустынная трасса. Ни огней, ни домов. Только лес и холодный ветер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.